

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА К. ИСИГУРО

В. Г. Минина

Минский государственный лингвистический университет

Творчество К. Исигуро является примером симбиоза двух культур – японской и английской. В романах присутствуют японский топос, реалии, ритуалы, экзотизмы, а также английский топос, традиции и реалии. Культ природы идет как от японской, так и от британской литературных традиций.

К. Исигуро (р. 1954) принадлежит одновременно двум мирам, жизненным философиям и культурно-литературным традициям. Подобных мультикультурных авторов М. Тлостанова называет внутренними «иными» [1, с. 249], ее коллеги-литераторы – «пришельцами» [2, с. 16] и «новыми андрогинами» [3, с. 258], у которых при одной голове два лица (одно обращено к восходу, второе к закату), два сердца и двойное зрение. Понимание английским писателем и литературоведом М. Бредбери всей знаковости фигуры и феномена К. Исигуро проявляется в том, что раздел монографии о состоянии современной британской литературы «The Modern British Novel» он назвал по заглавию второго романа Исигуро – «Artists of the Floating World: 1979 to the Present» [4].

Следует, однако, отметить, что произведения К. Исигуро все же имеют мало общего с тематикой других мультикультурных авторов: ни один из его романов напрямую не затрагивает проблему мультикультурной гибридности. Его мультикультурность проявляется, скорее, в поэтике, а именно в сочетании элементов японского и английского менталитетов и художественных стилей. Подчас, как верно утверждает С. Чира, Исигуро намеренно дистанцируется от повествования и от «идентификации между автором и текстом» [5, р. 13]. Писатель сознательно не пишет о себе, выбирая героев, не похожих на себя.

Исигуро, как и единственного мультикультурного героя автора Кристофера Бэнкса из романа «Когда мы были сиротами» («When We Were Orphans», 2001), англичанина по происхождению, но выросшего в Шанхае в окружении китайцев, японцев, французов, немцев, американцев и представителей других национальностей, можно назвать культурным гибридом, попавшим в клещи нескольких национальных идентичностей. *Но в этом нет ничего дурного, – говорит герой. – Я думаю, было бы неплохо, если бы все мальчишки с детства впитывали в себя всего понемногу. Тогда мы бы намного лучше относились друг к другу. Во всяком случае, войн было бы меньше. О да. Может быть, когда-нибудь все эти конфликты закончатся, но вовсе не благодаря государственным мужам, церквям или организациям <...>. А благодаря тому, что изменятся сами люди. Они станут такими, как ты, Вьюрок. Более смешанными. Так почему бы тебе не быть «полукровкой»? Это здорово [6, р. 79].*

Из-за своей расовой принадлежности Исигуро, как и другие иммигранты, чувствовал себя иным; благоприятные внешние условия не исключали наличия внутренних, душевных, конфликтов. Будущий писатель прошел через стадию осознанной ассимиляции и идентификации себя с британцами, ему пришлось усваивать культурные и поведенческие различия. Размышляя о феномене детерриторизации, Ж. Делёз и Ф. Гваттарри пишут о том, что вырванный из родной почвы человек всегда стремится врасти в новую почву, найти для себя новые корни, поскольку состояние «безместности» неестественно [7, р. 47]. С. Вайль с редкой лаконичностью сформулировала проблему иммигранта. «Иметь корни, – пишет она, – это, возможно, наиболее важная и наименее осознанная из потребностей человеческой души» [цит. по 8, с. 258]. Без чувства принадлежности к расе, нации, культуре все, по словам героя романа К. Исигуро «Когда мы были сиротами» детектива Бэнкса, может рассыпаться, словно жалюзи без ниточек [6, р. 80].

Любопытство, с детства проявляемое к К. Исигуро в Англии как к иному, постоянно заставляло его оценивать себя, сравнивать с другими. Он, утверждает Б. Льюис, осознавал «как различие, воспринимаемое в нем другими, так и сходство, воспринимаемое им в других» [9, р. 8]. Писатель считает, что он не являлся «очень английским англичанином, как и не был очень японским японцем» [10, р. 82–83]. Осознание своей принадлежности к тем, кого Б. Мухерджи назвала «не вполне» («not-quite») [11], побудило К. Исигуро считать себя символически бездомным. «Ни четкой роли, ни общества или же страны, от лица которых говорить или о которых писать. Ничейная история казалась моей историей», – признается писатель [10, р. 86]. Мы согласны с Б. Льюисом, который считает, что дом К. Исигуро где-то посередине – ни в Японии, ни в Британии, где-то между «отъездом и прибытием, ностальгией и ожиданием» [9, р. 1], что вполне объяснимо, так как, по мнению С. П. Толкачева, мультикультурному сознанию свойственны многозначность, культурная амбивалентность, чувство причастности более чем к одной культуре, отсутствие четкого понятия «дом» [12, л. 39–40].

По мере взросления в представлении К. Исигуро сложился свой образ родины – воображаемый. «Естественно, я не знал Японии, – спустя годы признается писатель, – потому что я не ездил туда. Но в Англии я постоянно мысленно создавал картину воображаемой Японии <...> [Позже] я осознал, что эта Япония, которая была мне так дорога, на самом деле существовала лишь в моем воображении <...>. Я осознал, что это было место моего детства и я никогда не смогу вернуться именно в ту Японию» [9, р. 81]. В возрасте 23–24 лет он окончательно понял, что из Японии он уехал навсегда, так и не успев попрощаться, что время ожидания другой жизни закончилось, унося вместе с собой что-то очень важное и близкое сердцу. С этой мыслью необходимо было смириться. «Это были просто время, жизнь, мир, которые проходили и многое меняли, хотя я этого не замечал. Но в момент, когда

я обратил на них свой взор, Япония уже ушла навеки» [13], – говорит он. Подобное душевное состояние переселенцев американский исследователь Э. Саид комментирует так: «К успехам изгнанника всегда примешана ложка дегтя – осознание, что оставленное на родине потеряно для тебя навсегда» [8, с. 256]. Смерть японского дедушки будущего писателя стала знаковым событием в его жизни, ибо с его уходом окончательно оборвалась и связь с Японией.

В жизни иммигранта много места отдано стараниям вновь обрести ориентиры – сотворить взамен всего утраченного новый мир и занять в нем заметное положение. «Неудивительно, – говорит Э. Саид, – что среди изгнанников так много писателей, шахматистов, политических деятелей и людей свободных профессий. Ни одно из этих занятий не требует долгого обустройства на выбранном месте и вложений в материальные «орудия труда», зато щедро вознаграждает за мастерство и гибкость. Но, как и следует ожидать, новый мир изгнанника получается не слишком-то органичным, каким-то «сочиненным», смахивающим на художественное произведение» [8, с. 254].

К Исигуро постепенно пришло понимание ценности воспоминаний о детстве в Японии, которые начинали блекнуть и увядать. Он боялся растерять их, ибо они были единственным, что связывало его с возможной, другой жизнью. Это желание сберечь в памяти свою Японию, не дать ей уйти и подтолкнуло писателя к единственно верному и надежному способу – сохранить ее на бумаге. В одном из своих интервью К. Исигуро говорит: «Мне не хотелось, чтобы Япония – эта страна памяти, размышлений и воображения, образ которой стал таким хрупким, – ускользнула от меня» [13].

Поиск потерянных осколков памяти является неотъемлемой чертой исигуровской поэтики. С. Рушди сравнивает память с «непрочным зданием, которое мы строим из обрывков, догм, детских обид, газетных статей, случайных замечаний, старых фильмов, маленьких побед, ненавистных людей, людей любимых» [14, р. 12]. К. Исигуро верит, что если его воспоминаниям придать осязаемую форму, описать их в произведении, то таким образом они смогут соединить его с прошлым, а следовательно, и с самим собой.

Из воспоминаний и родились два первых произведения К. Исигуро – «Там, где в дымке холмы» («A Pale View of Hills», 1982), «Художник зыбкого мира» («An Artist of the Floating World», 1986), которые мы называем японскими романами писателя. Для него они стали повторным открытием Японии и японской стороны его личности. Первые произведения автора стали для него своеобразным катарсисом, процессом очищения, который в дальнейшем позволил ему переключиться на другую тематику. К. Исигуро находит, что к писательскому труду побуждает что-то нерешенное где-то

глубоко внутри и что-то такое, что уже слишком поздно решать. Творчество выступает одним из способов сложить осколки в единое целое, понежить раны – раны, которые невозможно исцелить.

Национальная составляющая творчества Исигуро, или «японскость», проявилась в использовании им японского топоса, в описании японских реалий, в употреблении в текстах экзотизмов, в наличии мотива самоубийства как компонента японской ментальности, в использовании приема недосказанностей, в создании образа зыбкого мира, почерпнутого из философии буддизма. Японский топос, созданный автором в романах, имеет особый характер. Япония произведений Исигуро не историческая, несмотря на то что иногда она вмещается в определенные исторические рамки, а скорее, функциональная – она служит внешним оформлением проблем, затрагиваемых писателем. Как верно заметил К. Синклер, она для писателя не данность, а единственное, что ему удалось взять с собой [цит. по 9, р. 25].

Создание в романах образа Японии чрезвычайно важно для писателя, ибо она навсегда останется его собственной «воображаемой отчизной». Но он помнит ее глазами пятилетнего мальчика, поэтому его романы выступают наглядным примером того, как процессы воспоминания и созидания накладываются друг на друга. Его страна – это всего лишь своеобразный миф, фантазия или легенда. Она, считает и Б. Льюис, нереальна и не является символом всего мира, она сама по себе целый мир. Более того, это не страна, а система, которую писатель называет Японией. Ее значимость скрывается не в том, «что она обозначает, а как» [9, р. 26] она это делает. Эту нереальную, воображаемую картину Японии можно вслед за М. Бредбери назвать словом «Japonaiserie», обозначающим стилизацию под японское искусство [цит. по 9, р. 52]. Первые романы Исигуро вовсе не о реальной Японии; изображая Японию его памяти, они, как и все произведения автора, повествуют, утверждает С. Макензи, о «возвращении прошлого и об отрицании прошлого» [15, р. 13], равно как и о разладе, происходящем по причине подобного отрицания.

Таким образом, Япония как вдохновение, как тема и символ неизменно присутствуют в ранних романах Исигуро. Образ Японии создан скрупулезно и с любовью, потому что, по признанию самого автора, зрительные образы Японии являются для него «чрезвычайно острыми и даже мучительными» [16, р. 339]. В романах описаны *японские реалии*: обычаи, традиции, особенности быта и поведения людей. Незначительные детали обихода, введенные К. Исигуро, способствуют созданию реалистичной и правдоподобной картины и погружают европейского читателя в иную культуру, помогая ему через внешнее постичь внутреннее – от традиции идти к менталитету и психологии.

Мир Ецуко («Там, где в дымке холмы») и Масуи Оно («Художник зыбкого мира») традиционно японский, в котором солнечный свет просачивается через прозрачные бумажные экраны, чай подается на веранде,

выходящей в сад, а женщины носят кимоно и, когда смеются, прикрывают рот рукой. Это мир, полный церемонности: во время разговора обмениваются поклонами, выдерживают многозначительные паузы, вежливо покашливают, обязательно раскланиваются при расставании. Многоквартирные новые дома построены и оборудованы в европейском стиле; дома же старой постройки типично японские: пол в них устлан татами, стенами комнат служат соломенные перегородки, в центре гостиной – очаг для приготовления пищи, в одной из комнат – буддистский алтарь. Неотъемлемыми и неизменными элементами как старых, так и современных жилищ являются напольные подушки, низкие столики, палочки для еды и отсутствие домашней обуви, к которой привыкли европейцы.

К сугубо японским обычаям, описанным Исигуро, относятся миаи – предсвадебные переговоры через посредника, игра в куйибики – что-то наподобие ярмарочной лотереи. Цена дома не произносится вслух, а герою протягивают бумажку с написанной на ней суммой. Детям делают замечание, когда они пристально смотрят на старших.

Японские герои Исигуро живут по законам их страны. Всем своим поведением Масуэи Оно демонстрирует, что он свято чтит строгий кодекс этикета и иерархии, четко знает свое место в обществе и требует того же от других, принимая почтительное к себе отношение как нечто должное и заслуженное. Он не обидит собеседника случайным неуважительным словом или пренебрежением к его положению. Первый муж героини романа «Там, где в дымке холмы» Ецуко – типичный японец, преданно служащий своей компании и требующий абсолютной верности и подчинения от своей жены. Он одним взглядом приказывает ей то подать чай, то вытереть пятно на полу. Ецуко и не думает противиться его воле – это не дозволено японской супруге.

В романах показано типично японское обходительное обращение к старшим или просто уважаемым людям – в третьем лице. Даже дочери Масуэи Оно называют его не иначе как отец, говорят с ним почтительно и официально и всегда в третьем лице. Если они и бывают с ним не согласны, расспрашивают его о чем-либо или на чем-то настаивают, то делают это намеками и окольными фразами. Подобное обхождение свойственно и Ецуко по отношению к ее свекру. Маленький внук Масуэи Оно учтив и обращается к дедушке в третьем лице.

Даже в «Остатке дня» («The Remains of the Day», 1989) – своем самом «английском» романе – писатель частично остается в рамках японских традиций. По мнению японского литературоведа Н. Хасэгава, «атмосфера этого романа – совершенно японская» [цит. по 17, с. 148], что особенно заметно в изображении главного героя – дворецкого Стивенса, описание мира которого преисполнено изысканной японской чувствительности. Внимание Стивенса к деталям и мелочам сродни искусству оригами. Д. Гуревич, С. Макензи, П. Айер и др. находят в его поведении некоторые типично

японские детали: упорство в исполнении своих обязанностей, стоицизм, верность хозяину, желание угодить, четкое соблюдение иерархических отношений. В его представлении о чести и достоинстве, которые позволили ему сохранить самообладание и в минуту смерти отца, и в момент потери любимой женщины, присутствует элемент бусидо, т.к. выполнение обязанностей для него важнее личных проблем и близких людей.

Исследователь П. Айер остроумно отмечает, что исигуровский дворецкий настолько английский, что он вполне может быть японцем [18, р. 586]. По мнению К. Хабиба, в «Остатке дня» автору удалось перенести на британские реалии важную проблему японской идентичности: «что происходит с ценностями перфекционизма, если они сталкиваются с ценностями демократии» [цит. по 19, р. 107]. Тем не менее, не следует смотреть на роман как на японский, в нем, скорее, наблюдаются отдельные «японские» черты, которые берут свое начало как в происхождении писателя, так и в его индивидуальном стиле.

Для обозначения отдельных реалий писатель сохранил в первых двух романах японские слова, *экзотизмы*, но ровно в той степени, в которой они понятны западному читателю. Поэтому он не переводит их на английский язык: читатель сам догадывается, что *ойи* – это дедушка, *сенсей* – учитель, наставник, *миаи* – ужин, организованный сватом для знакомства двух заинтересованных семейств, а нередко и самих потенциальных супругов. Районы города, названия магазинов и баров – все японские слова: бар Миги-Хидари, парк Кавабе, район Инаса, станция Танибаши. Герои романов носят такие не привычные для европейского уха имена: Сачико, Марико, Ецуко, Матсуда, Ичиро, Митсуо, Курода, Таро Саито, Юкио Нагучи и т.д. Признаком вежливого и почтительного обращения служит частица «сан», добавляемая к именам обоего пола, как, например, Мори-сан, Огата-сан, Ецуко-сан.

К «японскости» Исигуро можно отнести *мотив самоубийства*, исконно присущий японской культуре. Самоубийства в японской традиции, в отличие от западной, не считаются постыдными и грешными, а иногда, наоборот, граничат с гордостью и добродетелью – и средневековые самураи, совершившие *харакири*, и летчики-камикадзе времен Второй мировой войны становились национальными героями. Мотив самоубийства прослеживается у Исигуро в романе «Там, где в дымке холмы» – событие, о котором лишь вскользь упоминается, но которое выступает своеобразной отправной точкой, ибо именно смерть дочери и заставляет рассказчицу в поисках причин трагедии мысленно перенестись в прошлое. Если причиной самоубийства в первом романе можно назвать протест, т.е. более «западную» его разновидность, то в «Художнике зыбкого мира» самоубийства являются сугубо «японскими» – это просьба о прощении за понесенное бесчестье.

К влиянию же британской культуры мы относим использование английского *топоса*: пасторальная Англия в романах «Остаток дня», «Не отпускай меня» («Never Let Me Go», 2005), лондонское общество в романе «Когда мы были сиротами»; описание британских *традиций* и *реалий* в вышеперечисленных романах: образ дворцового, являющегося традиционным в английском романе XIX–XX веков, показ жизни в загородном поместье, обнищание британской аристократии («Остаток дня»), образ закрытой загородной школы / пансионата («Не отпускай меня», «Когда мы были сиротами»).

Большую роль в романах писателя играет природа. Он умело раскрывает чарующую красоту в обыденном и будничном. Примечательным в его творчестве является то, что часто в самом обычном, в какой-то малой детали скучной повседневности обнаруживается нечто существенное, раскрывающее душевное состояние человека. Детали постоянно находятся в фокусе внимания писателя.

Природу, мир растений и красок, сцены быта он изображает в лирическом ключе, с проникновенной мудростью человечности. Природа представлена в его произведениях как всеобщее начало: писатель показывает жизнь природы и жизнь человека в их общности, во взаимопроникновении, изображая их в органической связи с движением времен года и в нескончаемом многообразии красок и света. В этом обнаруживается чувство причастности к абсолюту природы, Вселенной, и герои воспринимают свой жизненный путь как нечто нерасторжимое с общим движением бытия. Ощущая свою слитность, свое единство с природой, персонажи обретают гармонию.

На данную особенность исигуровской поэтики повлияли как японская, так и английская культура, ибо в обеих издавна существует культ природы и абсолютного слияния с ней. Японцы всегда трепетно относились к природе, стремясь проникнуть в ее таинства; для них она является защитой от всего вселенского зла. «Мы живем в деревьях, мы живем в мелких речушках, — пишет японский писатель Акутагава Рюноскэ. — Мы живем в ветерке, пролетающем над розами. В вечернем свете, упавшем на стену храма» [цит. по 20, с. 249]. На протяжении многих веков эстетический идеал воплощается в японской литературе, и особенно в поэзии, в образах природы. В ней обнаруживается свободное, честное общение человека с природой; не извлечение практической пользы, а духовное единение человека и вселенной служит целью этого общения.

Романы К. Исигуро наполнены тонким пониманием природы и ее воздействия на человеческую душу. Многие главы его произведений начинаются картинками природы, что задает тон дальнейшему повествованию. Роман «Художник зыбкого мира», например, открывают строки: *Если в солнечный день вы подниметесь по крутой тропинке, идущей от маленького деревянного мостика, который здесь до сих пор называют Мостом колебаний, вы не сделаете и нескольких шагов, как среди крон двух гинговых деревьев увидите крышу моего дома* [21, р. 7].

Своеобразие и самобытность писателя проявляются в умении воссоздать атмосферу действительности, краски, цвет и свет самой реальности с ее запахами, переходами и переливами, тончайшие нюансы настроений своих героев. Для его героев характерны утонченность восприятия и ощущение ими величия природы. В самые трудные и волнующие минуты жизни, когда чувства переполняют сердца, его рассказчики невольно ищут поддержки у природы, через созерцание ее красоты идя к душевному спокойствию.

Таким образом, сложно вычленить влияние японской и британской культур, так как между двумя нациями есть сходства – и ту, и другую нацию с детства учат скрывать свои чувства, руководствоваться чувством долга; в обеих странах царит культ этикета, традиций, важности социального статуса; благодаря островному положению они были менее, нежели другие страны, подвержены иностранному влиянию.

На присутствие «японскости» в творчестве Исигуро указывают многие литературоведы (А. Туэйт, Б. Льюис, Дж. Дайер, Г. Аннан, С. П. Толкачев, О. Г. Сидорова и др.), сравнивая элегантность, легкость и недоговоренности его прозы с размытостью японской акварели. Другие исследователи (Р. Кларк) находят сходство Исигуро с Дж. Остин [9, р. 10–11], причисляя его тем самым к исконно английским писателям. Мы, в свою очередь, считаем, что его творчество складывается, скорее, из взаимодействия и взаимопроникновения двух сторон его личности – японской и британской. Оно амбивалентно.

Парадокс Исигуро, мы полагаем, заключается в том, что его произведения в Англии читаются как японские, а в Японии как иностранные: писатель словно находится между двумя мирами. Исигуро нельзя назвать ни сугубо японским, ни полностью английским автором – он мультикультурен.

Исследователь С. Макензи как нельзя лучше описала двойственную природу писательского феномена Исигуро. Свой вывод она делает, опираясь на факт из его биографии, когда родители писателя, оставшись одни, переехали в соседнюю половину дома. Квартиры были совершенно идентичными – одинаково меблированными, даже вид из окна был одним и тем же. Все же они в корне отличались, являясь зеркальным отражением друг друга. «Что вызывает у меня, когда я приезжаю к родителям, – признается писатель, – большую путаницу, потому что в моей памяти осталось воспоминание о доме детства, в котором все было с точностью до наоборот» [цит. по 15, р. 14]. С. Макензи придает этой ситуации метафорический и символический смысл, считая, что два этих зеркальных дома являются образом двойственного наследия Исигуро: «Восток и запад; ассимиляция и бездомность; реальность и воображение; восприятие и проекция. Невозможно распутать эти переплетения. Как и никогда не удастся определить, на какой он стороне. В котором из домов он живет? В реальном или в воображаемом? И какой в таком случае для него более реален?» [15, р. 14–15].

Гибридность К. Исигуро вылилась в неповторимый авторский стиль, впитавший в себя и объединивший все лучшее из двух культур, что позволило ему поднять универсальные, общечеловеческие проблемы.

Литература

1. *Тлостанова, М.* Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми / М. Тлостанова // Иностр. лит. – 2003. – № 1. – С. 238–251.
2. *Толкачев, С. П.* Современный английский роман / С. П. Толкачев. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2002. – 104 с.
3. *Чхартишвили, Г.* Но нет Востока и Запада нет. О новом андрогине в мировой литературе / Г. Чхартишвили // Иностр. лит. – 1996. – № 9. – С. 254–263.
4. *Bradbury, M.* The Modern British Novel / M. Bradbury. – London : Penguin Books Ltd, 1994. – P. 516.
5. *Chira, S.* A Case of Cultural Misperception / S. Chira. – New York Times. – 1989, Oct. 28. – P. 13.
6. *Ishiguro, K.* When We Were Orphans / K. Ishiguro. – London : Faber and faber, 2001. – 314 p.
7. *Deleuze, G.* Anti-Oedipus : Capitalism and Schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattari / Trans. Robert Hurley, Mark Seem, and Helen Lane. – N. Y. : Text, 1987. – 368 p.
8. *Саид, Э.* Мысли об изгнании / Э. Саид; пер. С. Силаковой // Иностр. лит. – 2003. – № 1. – С. 252–262.
9. *Lewis, B.* Kazuo Ishiguro / B. Lewis. – Manchester : Manchester University Press, 2000. – 192 p.
10. *Oe K.* Wave Patterns : A Dialogue // Grand Street 10.2, 1991. – P. 75–91.
11. *Auden, W. H.* The Dyer's Hand and Other Essays / W. H. Auden. – N. Y. : Random House, 1962. / W. H. Auden [Electronic resource]. – Mode of access : www.detective.gumer.info/txt/auden.doc. – Date of access: 27.10.2009.
12. *Толкачев, С. П.* Мультикультурный контекст современного английского романа [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / С. П. Толкачев. – М. : РГБ, 2003. – 381 л.
13. *Ishiguro's Interview* [Electronic resource]. – Mode of access : www.brothersjudd.com/index.cfm/fuseaction/reviews.detail/book_id/364/Pale%20View%20of.htm. – Date of access : 30.04.2003.
14. *Rushdie, S.* Imaginary Homelands / S. Rushdie // Imaginary Homelands. Essays and Criticism 1981–1991 / S. Rushdie. – London : Granta Books in ass. with Penguin Books, 1991. – P. 9–21.
15. *Mackenzie, S.* Between Two Worlds / S. Mackenzie // The Guardian. – 2000, March 25. – P. 10–17.
16. *Mason, G.* An Interview with Kazuo Ishiguro / G. Mason // Contemporary Literature. – 1989. – 30.3. – P. 335–347.

17. *Усенко, О.* Творчество японско-британского писателя Кадзуо Исигуро в контексте современной культуры / О. Усенко // Матеріали Першої міжнародної наукової конференції «Японська мова та культура в сучасній Європі та Україні – проблеми сьогодення і подальші перспективи». – Київ : Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2009. – С. 146–150.
18. *Iyer, P.* Waiting upon History / P. Iyer. // Partisan Review. – 1991. – P. 585–589.
19. *Connor, S.* The English Novel in History, 1950-1995 / S. Connor. – L. and N. Y. : Routledge, 2001. – 260 p.
20. *Григорьева, Т.* Путь японской культуры / Т. Григорьева // Иностр. лит. – 2002. – № 8. – С. 249–257.
21. *Ishiguro, K.* An Artist of the Floating World / K. Ishiguro. – N. Y. : Vintage Books, 1992. – 206 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АСИММЕТРИИ
В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА И. П. МЕЛЕЖА
«ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»

А. Д. Михалевич

СШ № 200 (Минск)

В работе рассматриваются проявления лингвокультурной асимметрии в переводах романа «Люди на болоте» на русский язык переводчиками Н. Кисликом и М. Горбачевым. Отобранные методом сплошной выборки 76 национально-маркированных единиц распределены с учетом проявления асимметрии на 4 группы. Переводческие ошибки не влияют на восприятие текста читателем, составляя 22 % у М. Горбачева и 16 % у Н. Кислика.

Наше исследование посвящено изучению лингвокультурологического аспекта асимметрии в переводе романа И. П. Мележа «Люди на болоте» с белорусского на русский язык, проявляющегося в переводческих ошибках и несоответствиях.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что полученные в результате исследования выводы могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковых картин мира. Кроме того, результаты исследования важны для решения таких теоретических проблем, как взаимоотношение языка и культуры.

Практическая ценность работы заключается в возможностях использования ее на уроках русского и белорусского языка и литературы и во внеурочной деятельности по этим предметам.